

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ И БЫТЬ ВИДИМЫМ

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

С. С. Аванесов

Томский государственный педагогический университет, Россия

Материал подготовлен в рамках проекта
«Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»
при поддержке Российского научного фонда
(грантовое соглашение № 14-18-03087)

В этой статье я формулирую задачи мультидисциплинарного исследования «оптических» аспектов культуры. Я аргументирую тезис о том, что в наше время требуется решение проблемы системной экспликации онтологического смысла и экзистенциального статуса визуально-семиотических аспектов культуры как коммуникативной среды. Это решение может стать концептуальным основанием для приближения гуманитарного знания к релевантной теоретической дескрипции человека. Такая дескрипция возможна в сфере новой философской антропологии, которая опирается на коммуникативное определение человеческого бытия. Определение места, роли и форм визуально-семиотической деятельности в культурно-коммуникативной структуре человеческого существования – это важнейшая задача современного антропологического познания. Высокое значение этой задачи определяется перспективой продуктивного сближения семиотики и онтологии в сфере антропологического знания. Такое сближение должно стать методологической платформой для теоретического обоснования бытия человека как культурно-коммуникативного праксиса.

Ключевые слова: антропология, онтология, бытие человека, визуальные аспекты культуры, коммуникация, практика.

BEING HUMAN AND BEING VISIBLE

NEAREST TASKS OF STUDYING OF VISUAL PARAMETERS OF HUMAN EXISTENCE

Sergey Avanesov

Tomsk State Pedagogical University, Russia

In this article, I formulate the tasks of multidisciplinary research of “optical” aspects of culture. I argue the thesis that the solution of problem the systematic explication of the ontological meaning and existential status of the visual and semiotic aspects of culture as a communicative environment is needed in our time. This decision can become a conceptual basis for an approach of humanities to relevant theoretical descriptions of human. Such description is available in a new philosophical anthropology, which is based on the communicative definition of human being. Definition of the place, role and forms of visual semiotic activities in the cultural communicative structure of human existence – this is the first task of contemporary anthropological research. The importance of this task is determined by the prospect of productive convergence of semiotics and ontology in the field of anthropological knowledge. This convergence should become a methodological platform for theoretical foundation of human *existence* as a cultural communicative *praxis*.

Keywords: anthropology, ontology, human existence, the visual aspects of culture, communication, practice.

Господствующая в нынешних философских «теориях человека» антропологическая парадигма сложилась на базе классической европейской онтологии, постулирующей метафизический (трансцендентный) характер «подлинно сущего» в отличие от «данного в ощущениях» [Аванесов 2013 а]. Соответственно, философское осмысление человека, как и сферы его специфической, собственно человеческой деятельности (культуры в широком смысле), всё ещё опирается именно на такую «метафизическую» онтологию, заставляющую принципиально различать сущее как таковое и его внешнее явление, действующего субъекта и его эмпирически регистрируемую деятельность, объективную реальность и её визуальные репрезентации, иначе говоря, «истину» и «доксу», «факт» и «фикцию». В таком «классическом» эпистемическом ракурсе всё визуально данное и особенно искусственно изображённое оказывается «вторичным», производным от того сущего, которое в нём якобы выражено, то есть, в конечном счёте, *фиктивным* в сравнении

с подлинно и первично сущим (фактуальным). Такая парадигмальная позиция заставляет априорно полагать разницу между «быть» и «выражаться», между «реальностью» и «внешностью», между «действительностью» и «изображением», между «быть человеком» и «вступать в коммуникацию» (в том числе посредством визуальных форм передачи информации).

Однако в человеческом опыте, в отличие от метафизически организованной антропологической теории, такой разрыв отсутствует; более того, современные культурные практики всё более отчётливо демонстрируют, что визуальное, как правило, выступает для человека не в качестве производного от некоей «невидимой» реальности (которую оно «отражает»), но как производящее собой ту «первичную» реальность, в которой и существует человек. Такая специфически человеческая реальность есть *культура*, в силу этого своего статуса определяющая не только способ бытия человека, но и его отношение к физической природе, к тому, что в метафизике полагается «первичным». Решение дилеммы о собственно человеческой «природе» как аргументация выбора между «естественным» и «искусственным» в человеческом существовании может быть достигнуто путём анализа культуры как такой среды, которая, во-первых, содержательно представляет собой прежде всего сферу языковых (знаковых) коммуникаций и при этом, во-вторых, по своему онтическому статусу является *первичным* условием *собственно человеческого бытия*. Такой анализ позволил бы преодолеть формальный дуализм личности и «мира», искусства и «природы», изображения и «реальности», что дало бы возможность более адекватно соотносить фактически наличное и визуально данное и, следовательно, правильно определять и оценивать роль визуально-коммуникативных актов в формировании и трансформации культуры как собственно человеческой реальности. Таким образом, требуется решение проблемы системной экспликации онтологического смысла и статуса визуально-семиотических аспектов культуры как коммуникативной среды, что может послужить концептуальным основанием для приближения к релевантной теоретической дескрипции человека в сфере философской антропологии.

Последовательный полидисциплинарный анализ визуальных практик как устойчивой системы культурной коммуникации позволил бы подвергнуть конструктивной критике сложившуюся в академической гуманитаристике стереотипную эпистемическую парадигму, согласно которой онтология и антропология

возможны только как виды абстрактного дискурса, отвлечённого от повседневного коммуникативного праксиса, выраженного, закреплённого и транслируемого в чувственно данных формах. Решение проблемы разрыва между «сущностным» и «чувственным», спровоцированного классическим философско-метафизическим подходом к изучению человека, предоставило бы научному сообществу фундаментальную возможность преодолеть формально-логический разрыв между онтическими параметрами человека как культурного субъекта и их визуальной презентацией, то есть позволило бы сформулировать онтологическое понимание человека в качестве «семиотического» существа и, таким образом, включить концепт коммуникативных практик в само понятие человека. В этом случае коммуникативность могла бы быть осмыслена не столько в качестве «проявления» или «выражения» её трансцендентального субъекта (метафизического «деятеля»), сколько как неотъемлемая характеристика самой субъектности и, следовательно, использоваться в антропологическом дискурсе как термин для выражения специфики человеческого бытия (а не только «действия», мыслимого в отрыве от бытия того, кто действует).

Переход на пост-метафизическую онтологическую платформу даст значительный эвристический эффект в сфере антропологического поиска. Отказ от концептуального противопоставления сущего визуальным формам репрезентации, трансляции и рецепции смыслов позволит продуктивно сблизить позиции онтологии и семиотики в поле такой философии культуры, в которой последняя понимается в качестве коммуникативной среды, что предоставит исследователям-гуманитариям теоретическую возможность интерпретировать визуальные культурные артефакты и комплексы не только как физические предметы или эстетически значимые объекты, но прежде всего с точки зрения экспликации и демонстрации экзистенциально значимых смыслов, в своей совокупности образующих оптически данную среду существования человека. В таком ракурсе становится актуальным прочтение изображений не как сообщений о реальности или её «отражений», а как невербальных текстов, образующих реальность в её коммуникативном, аксиологическом, этическом и прочих измерениях, то есть представляющих собой элементы семиотической (коммуникативной) среды.

Помимо этого, полидисциплинарный анализ визуальной культуры позволил бы обнаружить и описать семиотический (информационно-коммуникационный) характер эстетических объектов

как в современном, так и в традиционном социуме. Такой подход немедленно и очевидно приведёт к «практическим» социокультурным результатам. К примеру, изучение архитектуры как культурно-коммуникативной сферы в совокупности с анализом иных визуальных регистров формирования жизненной среды человека позволит сформулировать принципы, параметры и эффекты визуальной организации обитаемого пространства, в частности, современного города, что в перспективе откроет практическую возможность учёта влияния визуальных факторов на создание благоприятной жизненной среды, сохранение атмосферы культурной преемственности, единства (непрерывности) исторического времени и тем самым позволит достичь максимального приведения городской среды к «человекомерному» виду.

Социальная актуальность исследования обозначенной тематики заключается также в обнаружении и фиксации способов интерпретации визуально-знаковых объектов, систем (текстов) и маркеров в качестве основания идентичности личности, группы, этноса; в определении способов конструирования культурной, национальной, гражданской, религиозной, профессиональной идентичности с помощью средств визуальной презентации и коммуникации. В этом направлении становится возможным выявление и типология визуальных форм трансляции культурной идентичности в пределах исторической России и русского мира, а также предметное изучение семиотических практик формирования культурных пространств, исследование визуальных маркеров их единства (гомогенности), экспликация визуальных инвариантов различных культурных ареалов (в частности, русской культуры в составе восточно-христианского мира) и кросс-культурных процессов (различных типов семиотического трансфера).

Продвижение исследований в указанном направлении не только будет способствовать развитию теоретического знания о человеке и культуре, но и способно дать очевидный практический результат в плане сохранения безопасности государства и гражданского общества, поддержания неагрессивных форм самоидентификации и самопрезентации, не связанных с отрицанием иных (по способам и формам идентификации) культурных традиций, сообществ и субъектов. В частности, просветительское влияние таких исследований может выражаться в разработке приёмов трансляции и инспирации позитивного эмоционального отношения к инокультурным объектам, событиям и процессам посредством публичного продуцирования определённого визуального ряда.

Итак, в качестве первоочередной задачи современного антропологического познания мне представляется определение места, роли и форм визуально-семиотической деятельности в культурно-коммуникативной структуре человеческого существования. Масштаб задачи определяется перспективой продуктивного сближения семиотики и онтологии в сфере антропологического знания, что даст возможность теоретического обоснования *бытия* человека в качестве *культурно-коммуникативного праксиса*.

Научная новизна так сформулированной задачи состоит в том, что эта формулировка позволяет зафиксировать и требует акцентировать, с одной стороны, семиотический характер существования человека и, с другой стороны, онтологический характер антропо-семиотического пространства. Иначе говоря, онтологическая специфика человека как культурного существа должна быть прояснена в ракурсе визуально-семиотического исследования. Новизна решения этой задачи обусловлена, во-первых, реализацией общей установки на понимание культуры как коммуникативной среды, заключающей в себе и выражающей собой специфически человеческий способ бытия; во-вторых, полидисциплинарным походом к исследованию так понимаемой культуры в поле интегрального методологического содействия нескольких социогуманитарных дисциплин, способных фиксировать и анализировать указанную специфику (онтология, философская антропология, теория культуры, история культуры, визуальная антропология, визуальная семиотика, теория медийной культуры, искусствознание).

Решение указанной задачи позволило бы по-новому описать традиционно сложившиеся категориальные оппозиции, прежде всего – оппозиции «природного» и «культурного», «естественного» и «искусственного». Так, например, становится возможным теоретически обосновать «природное» как культурно фундированный концепт, а в практической сфере акцентировать перенос усилий с сохранения «естественного» на его искусственное конструирование и презентацию (дикая природа как «продукт» культурных усилий социума и культивируемый визуальный объект). Более того, само противопоставление природы и культуры обнаружило бы свои чисто культурные предпосылки.

В развитии современного гуманитарного знания пройден ряд этапов, которые можно рассматривать как необходимые предварительные шаги к построению гипотезы о семиотическом характере онтологии. Сложилась несколько аморфная, но вполне динамично развивающаяся традиция визуальной антропологии, в рамках которой

наибольшие достижения связаны с научно-теоретической деятельностью Джея Руби (Jay Ruby, Temple University), Марка-Анри Пью (Marc Henri Piault, Centre National de la Recherche Scientifique) и некоторых других. Данное направление развивается на стыке этнографии, социологии, культурологии и теории визуальных искусств. Научно-учебные центры визуальной антропологии работают в университетах Нью-Йорка, Южной Калифорнии, Ньютона (Массачусетс), Пенсильванском, Темплском, Монреальском, Манчестерском, Пермском университетах, в РГГУ (Москва). Действует глобальное Общество визуальной антропологии (Society for Visual Anthropology), выпускающее научные периодические издания «Studies in Visual Communication», «Visual Anthropology», «Visual Anthropology Review», «Visual Ethnography». Исследования в области визуальной антропологии и визуальной этнографии велись и ведутся на базе Центра визуальной антропологии МГУ и Музея земледелия МГУ под руководством Е. В. Александрова. Достижения визуальной антропологии представлены трудами таких учёных, как Асен Баликси, Пётр Штомпка, Колетта Пью, Е. В. Александров, И. В. Утехин, В. М. Магидов, П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова, О. Ю. Бойцова, О. Б. Христофорова и др. Под руководством Е. М. Четиной действует Лаборатория культурной и визуальной антропологии Пермского государственного университета, ориентированная прежде всего на изучение народных традиций с целью описания этнокультурной модели в её динамике, выяснения механизмов включения локальных традиций в межкультурное пространство полиэтничной системы региона.

В рамках изучения семиотики визуального изображения выполняется ряд исследований темы изобразительных языков под руководством профессора Чикагского университета У. Митчелла (William John Thomas Mitchell), изложенных в его авторских и совместных публикациях: «The Language of Images», 1980; «Iconology: Image, Text, Ideology», 1986; «Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representations», 1994; «The Last Dinosaur Book: The Life and Times of a Cultural Icon», 1998; «What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images», 2005; «Critical Terms for Media Studies», 2010. Проводятся исследования в области визуалистики на философском факультете (Department of Philosophy) Гарвардского университета под руководством профессора С. Сигел (Susanna Siegel); изучается прежде всего проблема визуального восприятия причинно-следственных связей, что отражено в публикациях «Subject and Object in the Contents of Visual Experience» (Philosophical Review,

2006), «The Visual Experience of Causation» (Philosophical Quarterly, 2009) и в монографии «The Contents of Visual Experience» (Oxford, 2012). Значительный вклад в развитие философии и семиотики визуального образа внесли Вальтер Беньямин («Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» и др.), Рудольф Арнхайм («Искусство и визуальное восприятие»), Уильям Джон Митчелл («Язык образов», «Теория изображения» и др.), Ролан Барт («Риторика образа», «Воображение знака», «Метафора глаза», «Система моды»), Морис Мерло-Понти («Око и дух», «Видимое и невидимое»), Жан-Люк Марион («Перекрестье видимого»), Жорж Диди-Юберман («То, что мы видим, то, что смотрит на нас»), Жан-Люк Нанси («Основа образа», «Corpus» и др.), Умберто Эко («Отсутствующая структура»), Б. А. Успенский, И. Н. Инишев, М. А. Маяцкий, Е. В. Петровская. Действует Международная ассоциация визуальной семиотики (International Association for Visual Semiotics), издаётся периодический журнал «VISIO». Развивается научная работа в сфере визуально-семиотических исследований под руководством профессора Римского университета LUMSA Пьеро Полидоро (Piero Polidoro), опирающегося на визуально-семиотические штудии Умберто Эко; результаты этой работы опубликованы в трудах «Icone, ipoicone e modalità percettive in Kant e l'ornitorinco» (Carte semiotiche, n. 9/10, nuova serie, 2006), «The influence of Christian iconography on a television commercial for Lavazza coffee» (Versus, n. 114), «Umberto Eco e il dibattito sull'iconismo» (Roma, 2012) и в фундаментальной монографии «Che cos'è la semiotica visiva» (Roma, 2008).

Исследования в различных областях визуалистики ведутся на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге (И. В. Утехин и школа визуальной антропологии), Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе (А. Горных, А. Усманова), Санкт-Петербургского государственного университета (Исследовательский центр медиафилософии В. В. Савчука, школа культурной географии М. С. Уварова, школа истории и философии кино Н. Х. Орловой), Высшей школы экономики (О. И. Генисаретский, М. А. Маяцкий, О. С. Воскобойников, И. Н. Инишев, Е. Н. Князева, И. В. Сохань), Сектора эстетики Института философии РАН (В. В. Бычков, Е. В. Петровская, О. В. Аронсон), Удмуртского государственного университета (В. Л. Круткин, кафедра философии и социологии культуры), Тверского государственного технического университета (В. В. Фёдоров и его школа изучения символики и семантики архитектуры и архитектурного пространства), Центра изучения древней философии и классической

традиции в структуре философского факультета Новосибирский государственного университета (Е. В. Афонасин, А. С. Афонасина; история и теория изобразительной культуры античности), Томского государственного педагогического университета, на базе которого учреждён научный журнал «ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики».

Философия и феноменология визуального опыта культуры представлена в трудах таких исследователей, как Жан-Поль Сартр («Бытие и ничто»), Жан Бодрийяр («К критике политической экономии знака», «Симуляция»), Жиль Делёз («Кино»), Ги Дебор («Общество спектакля»), Поль Вирильо («Машина зрения»), Михаэль Штолльбайс («Око закона: История одной метафоры»), а также В. М. Розин, В. Н. Топоров, М. С. Уваров, В. В. Савчук, Б. В. Марков, И. В. Утехин, А. В. Апыхтин. Методологическая интенция на вынесение эстетических объектов в сферу гетерогенного анализа, требующая дальнейшей разработки, представлена в трудах Л. Н. Столовича «Природа эстетической ценности», А. В. Гульги «Эстетика в свете аксиологии», Я. Э. Голосовкера «Имагинативная эстетика».

Наиболее перспективными сложившимися тематическими направлениями развития исследований в указанной сфере являются: визуальная коммуникация (Морис Бланшо, М. Баль, Дж. Элкинс, Ю. М. Лотман, О. И. Генисаретский); язык архитектуры (Рудольф Арнхайм, Умберто Эко, Юхани Палласмаа, Ролан Рехт, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, А. В. Иконников, В. Л. Глазычев, В. Ф. Маркузон, В. В. Фёдоров, С. С. Ванеян, Т. С. Симян); теория иеротопии (А. М. Лидов и его школа); семиотические и аксиологические аспекты традиционного изобразительного искусства (Жак Ле Гофф, Пьер Франкастель, Умберто Эко, Эрвин Панофски, В. В. Бычков, В. М. Живов, Б. В. Раушенбах, О. С. Воскобойников, Е. В. Афонасин, А. С. Афонасина, В. В. Лепяхин, А. Е. Махов); теория медиа-культуры и компьютерной игры (В. В. Савчук и его школа медиафилософии); философия фотографии (Ролан Барт, Рудольф Арнхайм, Сюзан Сонтаг, Вилем Флюссер, В. В. Савчук, В. А. Подорога, Е. В. Петровская, В. Л. Круткин, С. А. Лишаев, О. В. Гавришина и др.).

Наконец, коммуникативная онтология человека, на которую, в частности, опирается семиотическая теория культуры, разрабатывается в русле современной синергичной антропологии (С. С. Хоружий, О. И. Генисаретский, С. С. Аванесов) и в теории аутопоэзиса (С. А. Смирнов).

Предполагаемый подход к продуктивному исследованию проблемы соотношения онтического и семиотического в визуально-

коммуникативной среде опирается на принципиальный учёт следующих исследовательских пресуппозиций: 1) адекватная онтология как исследовательская дисциплина невозможна без принципиального учёта *антропных* параметров бытия; 2) человек *есть* культурный, то есть коммуницирующий посредством знаковых систем, субъект; 3) антропологическая составляющая теории бытия требует обязательного введения в такую теорию *семиотического* измерения и ресурса. В указанном эпистемическом ракурсе становится возможным обоснование гипотезы о том, что современный всплеск активности в сфере визуально-коммуникативных практик и сценариев («визуальный поворот») и, соответственно, рост академического интереса к визуально-семиотической среде представляют собой не столько радикальное или даже катастрофическое изменение онто-культурной ситуации, сколько закономерный этап континуального процесса исторического саморазвития человека как эксклюзивно коммуникативного существа, сама коммуникативность которого входит в онтологическое определение его субъектности. Формулировка и обоснование этой гипотезы представляется позитивным логическим шагом в продвижении онтологии к уровню наибольшей адекватности, что предполагает приобретение этой дисциплиной очевидного семиотического (семиологического) характера и, следовательно, позволяет в поле онтологии изначально учитывать специфичность культуры как бытия особого рода, свойственного человеку как культурному (коммуницирующему) субъекту.

Речь, таким образом, должна идти не о введении в научный оборот некоей новой дисциплины, но о рефлексирующем движении имеющей место онтологической исследовательской программы к состоянию всё более отчётливого самопонимания и всё большей релевантности; однако такое движение может совершиться лишь в полидисциплинарном контексте, позволяющем уточнить собственную предметную область онтологии. В результате становится возможным преодолеть вызванный деструкцией метафизики системный кризис гуманитарного познания посредством последовательной реконструкции онтологии не как отвлечённой (абстрактной) теоретической системы суждений о сущностях, но как включённого в реальную коммуникативную практику дискурса, принимающего во внимание непосредственные способы и формы реализации такой практики. Кроме того, указанная исследовательская парадигма даёт возможность ретроспективного анализа культурного опыта человечества, позволяя выявить семиотические

смыслы и системы в традиционных онтологиях и культурных (культурно-изобразительных) практиках.

Парадигмальная платформа предполагаемого исследования в указанном направлении разработана и изложена в трудах С. С. Аванесова «Нормативная онтология» (Томск, 2013) и В. В. Савчука «Топологическая рефлексия» (Москва, 2012); эта платформа включает следующие теоретически обоснованные тематические сегменты [см.: Аванесов 2013 б, Савчук 2012]: а) культура как способ человеческого существования; б) коммуникативный характер культуры; в) визуальная составляющая коммуникации как её перманентная и организующая семиотическая доминанта. На базе названной парадигмы представляется возможным, во-первых, продуктивное объединение методологических ресурсов философии, антропологии, семиотики и истории культуры; во-вторых, достижение интегрального эффекта в результате обобщения опыта научной работы в названных сферах на основе единого эпистемического подхода, а также с учётом имеющихся достижений в мировой и отечественной традициях изучения визуальных форм культуры. При этом визуальный знак (в отличие от признака или сигнала) должен пониматься как коммуникативный конструкт, материальным выражением которого являются оптически данные объекты культурной деятельности человека. Так обозначенная парадигмальная позиция позволяет ввести в предметную сферу онтологии огромный пласт предметов изобразительного искусства и материальной культуры, рассматриваемых не столько под искусствоведческим или историческим углом зрения, сколько в плане систематической экспликации выраженных в них мировоззренческих и ценностных смыслов, экзистенциальных установок и ориентиров, культурно-антропологических и этических норм, в совокупности продуцирующих коммуникативную среду синхронного и диахронного порядка. Исследование указанной предметности требует не только эстетической дескрипции, но и функционально-семиотической дешифровки культурно значимого содержания объектов, образующих визуальную среду (фиксация и трансляция смыслов) и выступающих «инициаторами» или «мотиваторами» индивидуальных и массовых социокультурных практик (прескрипция, ориентация и мобилизация).

Описанный методологический подход к изучению визуальных параметров культуры предполагает также объединение усилий и опыта ведущих специалистов-гуманитариев в направлении построения интегральной культурологической модели, опирающейся на фундаментальное представление о человеке как субъекте

коммуникативных (прежде всего визуально-коммуникативных) практик.

В итоге работы, организованной на указанных выше теоретико-методологических основаниях, могут быть достигнуты следующие результаты.

1) *Системная интерпретация визуального сегмента культуры в качестве семиотической доминанты человеческого бытия (в аспектах презентации, трансляции и организации)*. Полидисциплинарный анализ визуальных практик как «первичных» элементов существования человека, опирающийся на общую эпистемическую позицию, даёт возможность аргументировать гуманитарный характер любой адекватной онтологической теории и тем самым акцентировать экзистенциальный характер участия человека в визуально-коммуникативных процессах. Это в конечном итоге позволяет целенаправленно культивировать ответственность человека и общества за формирование и поддержание культурно-семиотической среды как подлинной и единственно человеческой реальности, а также снять ложную установку в отношении визуальных аспектов человеческого существования как виртуальных и симулятивных явлений.

2) *Концептуальное обобщение визуальных приёмов и форм организации городского пространства как семиотической среды, продуцирующей определённый тип мировоззрения и практики*. В этом направлении представляется возможным выйти на уровень анализа, позволяющий соотносить локальные и глобальные явления указанного характера (на примерах России и смежных культурных миров). Это позволит обосновать значение архитектурных и пространственных комплексов как визуальных текстов, несущих актуальную информацию идеологического, аксиологического и исторического характера, в совокупности формирующих пространство культурной идентичности и социальной преемственности. В практической перспективе решение данной задачи могло бы помочь формированию социальных механизмов сохранения и трансляции визуальных форм организации современного обитаемого пространства при сочетании культурно-языкового единства и стилистической, жанровой индивидуальности элементов традиционной городской среды.

3) *Определение количественных критериев сохранения и загрязнения визуальной сферы жизни человека (в антропогенной среде в целом и в мегаполисе в частности) как решение важнейшей задачи становящейся визуальной экологии*. Чрезвычайно актуальной в мировой гуманитарной

науке является задача выяснения зависимости психического и духовного здоровья человека от состояния окружающей его визуальной обстановки. Исследования в указанном направлении будут способствовать пониманию и практической реализации методов сохранения, реконструкции и формирования визуально-экологической среды обитания. Результатом таких исследований должны стать визуально-экологическая безопасность, прекращение деградации эстетической и смысловой среды и, следовательно, предотвращение культурной деградации населения.

4) *Определение способов и роли визуальной фиксации мировоззренчески значимых идей, принципов и персонажей в исторической памяти культуры (документ, портрет, текст, артефакт, монумент, иллюстрация).* Достижение названного результата позволит определить степень значимости культурно-исторического факта в зависимости от его визуальной презентации и масштабов его тиражирования (копирования). Контекстуальный анализ визуального объекта позволит определить его семиотический эффект в связи со способами его представленности в медиа-визуальной сфере (перформанс) или тексте (экфрасис), что позволит выяснить и обосновать механизмы связи объяснения или нарратива с наглядной демонстрацией в современных и традиционных формах социально-коммуникативного праксиса, а также классифицировать способы трансляции идей через перенос визуальных образов. В социальной сфере эти выводы помогут адекватно оценивать и формировать тренды в области поддержания и мобилизации гражданской идентичности, образования и культурной толерантности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2013 а – *Аванесов С. С.* Оптические коннотации в ранней философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 56–59.
- Аванесов 2013 б – *Аванесов С. С.* Нормативная онтология: Петербургские доклады. Томск, 2013.
- Савчук 2012 – *Савчук В. В.* Топологическая рефлексия. Москва, 2012.

Материал поступил в редакцию 01.12.2015